
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

ИСПОВЕДАЛЬНОСТЬ КАК ТАИНСТВО

Аннотация. *Можно ли доверить свои тайны другому человеку? Допустимо ли раскрыть свой внутренний мир перед всеми, рассказать о себе как на духу? Или лучше следовать совету шекспировского Полония: «Заветным мыслям не давай огласки, Несообразным — ходу не давай. Будь прост с людьми, но не запанибрата». Если опираться на собственный внутренний опыт, игнорируя мнение других, то можно познать себя только таким, каким я являюсь сам для себя. Но если сохранить в себе собственные переживания, закрыться от всех, то у других может сложиться искаженный образ этой души.*

Однако в жизни каждого человека наступает такой момент, когда он готов распахнуть душу, вернуть свои тайны окружающим, снять тяжесть с души, рассказав о собственных тяготах или грехах. Иногда это случается с преступником, которого так и не уличили в конкретных преступлениях, но он уже и сам готов излить все, что происходит в его сознании. Порой исповедальность «накрывает» человека в канун кончины. Так случилось, к примеру, с известным французским философом Вольтером. Будучи непримиримым врагом католичества, он перед смертью покаялся, принял веру и обрел душевный покой в канун встречи с Господом. Автор опирается на различные источники, относящиеся к памятникам конкретных эпох. Он использует метод исторического сравнения. Вместе с тем в статье применяются приемы психологической реконструкции, психологического анализа. Автор обращается к интроспекции как методу обретения психологического знания. Новизна подхода состоит в попытке выстроить историю исповедальной литературы, проследить их общность и различие. Философия и художественная литература знают такой жанр — исповедь. Он оказывается востребованным на исторических, социальных, культурных переломах. Но исповедь также взывает к себе в момент катастрофы личной, душевной. Так, экзистенциальная драма раскрывает жизнь эпохи, ее сущность или, напротив, неучтенные подробности личного существования. Произведения исповедального жанра относятся к философской и психологической литературе.

Ключевые слова: *психология, исповедь, исповедальность, душа, страсти, откровенность, самосознание, диалектика чувств, сострадание, вера.*

Исповедальные произведения разрывают личное пространство, взывают к людным перекресткам, ищут сочувствия, признания, понимания и сострадания. «Исчерпывающее откровение мятущейся души — наедине с собою, наедине со всеми: прошлыми, будущими, настоящими — друзьями, врагами, близкими. Но прежде всего — сам перед собою»¹, — так характеризует этот жанр отечественный исследователь Вадим Рабинович.

К кому обращается, например, Августин Аврелий (IV-V вв.), один из самых знаменитых и влиятельных отцов христианской церкви? Господи,

Боже мой, Владыка неба и земли. Это слова автора исповеди. «Но как воззову я к Богу моему, к Богу и Господу моему? Когда я воззову к Нему, я призову Его и самого себя. Где же есть во мне место, куда пришел бы Господь мой?»². Августин раскрывает драму своей духовной борьбы. Он ищет основания своей веры. Он переживает конфликт души и тела, эмоций, восстающих против разума. Мыслитель понимает, что невозможно замкнуться в мире собственных эмоций. Там лишь мрак и страдания. Перед этой бездной останавливается философ. «Сейчас время не спрашивать, исповедоваться Тебе. Я был несчастен, и несчастна всякая душа, скованная любовью к тому, что смертно: она разрывается, те-

¹ Августин Аврелий. Исповедь. Петр Абеляр. История моих бедствий. М., 1992. С. 6.

² Там же. С. 8.

ря, и тогда понимает, в чем ее несчастье, которым несчастна была еще и до потери своей»³.

В терзаниях своих душа обретает истину. Но Августин знает, что этой мудрости мало. Несчастен тот, кто не знает Господа Бога. Блажен тот, кто не знает ничего другого, но знает Бога. Августин рассказывает, как он искал истинное слово Божье. Все мышление автора в период, когда он еще не обрел христианство, раскрывало огромные усилия, чтобы вырваться из отрицательной, мрачной глубины субъективного сознания к объективному свету и правде, освободиться от своей греховной личности и ее рокового раздвоения. Сам он говорит в «Исповеди» о том периоде своей жизни, когда, уже освободившись от манихейства, он еще не обратился в христианство: «Пытаясь вывести строй моей мысли из пучины, погружался вновь, и часто делая усилия, я погружался опять и опять. Ведь в этом случае муки духовного рождения нового мира соединяются с предсмертными страданиями старого».

Вопросы личной жизни в «Исповеди» Августина неотделимы от богословских вопросов: мог ли Бог создать этот мир раньше или позже, чем создал? что делал Бог до того, как создал мир? как соотносится Бог с понятиями времени и вечности? В решении их Августин примыкает к платоновскому истолкованию времени, то есть считает время сотворенной субстанцией. Мир создан не в текущем времени, утверждает богослов, но время начинает идти от сотворения мира. И эти философские проблемы переплетаются в его изложении с томительным противостоянием между чувственными вожделениями и аскетическими заповедями.

В чем самосознание личности? Человек одинок. Он незащищен. Но он и могуч духом. Он знает, что выйдет из покаянного исповедания иным, осознавшим глубины своего естества. «Разве не перешел я, подвигаясь к нынешнему времени, от младенчества к детству? Или, вернее, оно пришло ко мне и сменило младенчество. Младенчество не исчезло — куда оно ушло? — и все-таки его уже не было. Я был уже не младенцем, который не может произнести слова, а мальчиком, который говорит, был я. И я помню это, а впоследствии я понял, откуда я выучился говорить. Старшие не учили меня, предлагая мне слова в определенном и систематическом порядке, как это было немного погодя с буквами. Я действовал по собственному

³ Там же. С. 45.

разуму, который Ты дал мне, Бог мой»⁴, — писал Августин Аврелий.

Исповедь и покаяние во имя целостного человека — вот смысл «Истории моих бедствий» Петра Абеляра (XII в.). Она начинается такими словами: «Человеческие чувства часто сильнее возбуждаются или смягчаются примерами, чем словами. Поэтому после утешения в личной беседе я решил написать тебе, отсутствующему, утешительное послание с изложением пережитых мною бедствий, чтобы, сравнивая с моими, ты признал свои собственные невзгоды или ничтожными, или незначительными, и легче переносил их»⁵.

Абеляр рассказывает о знаменитых философах древности, которые презирали мир и бежали от мирских утех, искали утешения в лоне философии. У каждого народа — языческого, иудейского или христианского — всегда были выдающиеся люди, которые превосходили других своей верой или высокой нравственностью и поэтому отличались от других людей строгостью жизни или воздержанностью.

Он исповедует также в своей страсти к Элоизе. Абеляр признается, что он не упустил ни одной из любовных ласк с добавлением и всего того, что могла придумать любовь. Затем, как читатель очевидно знает, Абеляр был осклопен. «С наступлением утра ко мне сбежался весь город; трудно и даже невозможно выразить, как были все изумлены, как они меня жалели, как удручали меня своими восклицаниями и расстраивали плачем. Особенно терзали меня своими жалобами и рыданиями клирики и прежде всего мои ученики, так что я более всего страдал от их сострадания, чем от своей раны, сильнее чувствовал стыд, чем нанесенные удары, и мучился более от срама, чем от физической боли»⁶.

Так откровенно и беспощадно, с неустанной искренностью Абеляр описывает свои бедствия. Отметим лишь то место, в котором несчастнейший из горемычных пишет: «Я все думал о том, какой громкой славой я пользовался и как легко слепой случай унизил ее и даже совсем уничтожил...»⁷. И далее: «Как справедливо покарал меня суд божий в той части моего тела, коей я согрешил...»⁸.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Там же. С. 260.

⁶ Там же. С. 272.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Петр Абеляр стал монахом. Потом ушел из монастыря. Отшельническая жизнь в пустыне в округе Труа. Бесчестные молитвы в молельне, которую он сам построил из тростника и соломы. Здесь, судя по всему, автор мог возгордиться скромностью своей жизни, даже впасть в гордыню. Но он откровенно признается в том, что даже в уединении его преследовала зависть. Он продолжает описывать свои страхи и терзания.

«История моих бедствий» — это исповедь-научение. Исповедуется страдающее тело и где-то на окраине жизни — страдающая душа.

Теперь можно обратиться к знаменитому автобиографическому роману Ж.-Ж. Руссо. Философ хотел правдиво описать жизнь человека. Но вот что неожиданно — этим человеком оказался он сам. Повествование началось с самого рождения. Так автор описал свое детство и юность, рассказал о том, как ему пришлось пробиваться в чуждой социальной среде. По своему психологическому складу Руссо чувствовал себя чужаком в аристократической среде, в светских салонах. Порой он обнаруживает, что впадает в противоречие, путается в подробностях. Вероятно, можно было бы не терзаться по этому поводу. Но автор ловит себя на двуличии и сам же себя осуждает. Не случайно Л.Н. Толстой считал роман Руссо образцом литературного откровения.

Во второй книге «Исповеди» есть такой эпизод, который относится к 1728 г. Он служил тогда лакеем в доме одной графини и украл ленту. Когда началось дознание, он свалил вину на молодую кухарку Марион. Все это могло бы остаться без упоминания. Сам эпизод не столь уж и значителен. Но становится интересным и захватывающим, поскольку автор излагает его, раскрывая сложную диалектику чувств. Таков радиус рождающейся психологии.

В XVIII столетии особо заметными были предромантические черты произведения писателя. Поэтому «Исповедь» была воспринята как одна из высших точек предромантического движения во Франции. Трагическое положение гения во враждебном ему обществе передано с предельной эмфазой, с огромной силой эмоционального воздействия. Это величайшая книга французской литературы XVIII века. Она и для последующих поколений оказалась образцом глубинного интереса к духовной жизни человека.

В романе немецкого писателя Леона Фейхтвангера «Мудрость чудака» рассказывается о том, как французский юноша Фернанд открывает еще рукописную тетрадь Жан-Жака Руссо. Заголовок

«Воспоминания» перечеркнут и вместо него красивым, сильным и в то же время изящным почерком Жан-Жака выведено: «Исповедь».

Он читает: «Я принимаюсь за труд, которому нет примеров в прошлом, никогда не будет и впредь. Я хочу показать созданиям, себе подобным, человека в его истинном свете, в его естестве. Показать себя.

Только себя. Я хорошо знаю свое сердце и знаю людей. Я не похож ни на одного из тех, кого я встречал, смею думать, ни на кого из моих современников. Возможно, что я не лучше других, но я, во всяком случае, иной.

Когда раздастся трубный глас страшного суда, я предстану перед всевышним судьей с этой книгой в руках и заявлю: здесь записано все, что я делал, что думал, чем был. Я не утаил своих пороков, не приукрасил себя добродетелями. Я представил себя таким, какой я есть, временами — презренный и низкий, временами — добрый, благородный и великий. Пусть бесчисленное множество современников услышат мою исповедь, вздохнут о моих пороках, с краской в лице узнают о моих злоключениях. И тогда пусть хоть кто-нибудь дерзнет перед ступенями твоего престола, о всевышний, сказать: «Я был лучше этого человека».

Далее в романе Фейхтвангера передается реакция Фердинанда. Он продолжал читать, и ни с чем не сравнимые по ясности жан-жаковские строки действительно потрясли его до ужаса обнаженной правдивостью. Он никогда не представлял себе, что может найтись человек, у которого хватило бы мужества так глубоко вгрызаться в собственное «Я». Как бесстрашно разворошены здесь недра души, с гораздо большей отвагой, чем земные недра, вместе взятые. Чудо из чудес, что те, кто дерзнет проникнуть и заглянуть в эти зловецкие тайны, не теряют рассудка.

Фердинанд читал о первом телесном наказании, которому подвергся восьмилетний Жан-Жак. И как это наказание, осуществленное рукой красивой тридцатилетней женщины, пробудило в гладеньком мальчике нечто вроде сладострастия преждевременного пробуждения полового чувства и как это переживание на все времена определило направленность его желаний, страстей, характер его чувственности.

И Фердинанд читал о том, как в девять лет Жан-Жак впервые познал несправедливость. Как его мучили за проступок, которого он не совершал, как он настаивал на своем, «упрямился», по мнению окружающих, и не сознавался в том, чего не делал, и хоть истерзанный, но все же вышел из этого испытания победителем. «Вообразите себе мальчика, — читал

Фердинанд, — застенчивого и послушного, привыкшего к разумному и мягкому обхождению. И вдруг по отношению к этому мальчику совершают несправедливость, и совершают ее те самые люди, которых он больше всего на свете любит и почитает. Какое крушение всех понятий, какой перелом в душе, переворот в мыслях! Как ни сильна была физическая боль, она не причиняла мне особых мучений: меня душили негодование, ярость, отчаяние. Когда, наконец, я лег в постель, я дал волю своему гневу, я сел на свой бедный зад и во все горло прокричал сто раз: «Carnifex! Carnifex! Carnifex!» (Палач! Палач!). Еще и сейчас, когда я пишу эти строки, мой пульс учащенно бьется, и если бы я прожил сто тысяч лет, те минуты все равно не потускнели бы в моей памяти. Это первое столкновение с насилием и несправедливостью так глубоко запечатлелось в моем сердце, что оно вспыхивает всякий раз, как я вижу несправедливость или слышу о ней, безразлично, к кому бы она ни относилась; вспыхивает так, словно жертва ее — я сам. В тот день кончилось мое беззаботное детство».

И Фердинанд читал о том, как восемнадцатилетний Жан-Жак, в ту пору лакей в богатом доме, без всякой видимой причины украл старую никудышную серебристо-розовую ленту и взвалил вину за воровство на милую горничную, безобидное существо, не причинившее ему никакого зла. Жан-Жак образно рассказывал об этом, он ничего не старался объяснить, это попросту было так, и Фердинанд пришел в ужас от всемогущества безрассудного и злого начала, вновь и вновь одолевающего даже таких людей, как Жан-Жак.

Все глубже и беспощаднее погружался Жан-Жак в темный и скользкий лабиринт своего «Я». Рассказывал о всё новых «смехотворных и жалких поступках». О наивных утехх плоти и об изощренных наслаждениях в мечтах.

И Фердинанд читал о горьком, тяжелом разочаровании Жан-Жака в друзьях. Среди них были величайшие мужи своего времени — Дидро, Мельхиор Гримм, создатели «Энциклопедии», сам великий Вольтер, и почти все они сплотились против Жан-Жака, предали его и подвергли преследованиям. Все они оказались тщеславными, мстительными, слепыми, их учтивые значительные лица были масками, за которыми скрывались перекошенные звериные морды, и единственный, кто устоял перед беспощадным судом Жан-Жака, был Жан-Жак.

В XVIII в. психотерапевтическую функцию выполняла эпистолярная литература. Люди писали друг другу недельные письма. Например, такие:

«Сегодня я вышел в парк, туман рассеивался, но мне все равно было грустно...». Авторы писем пытались зафиксировать тончайшие переливы своих чувств, уникальные состояния, движения сердца. При этом они знали, что другой человек, получивший письмо, не станет смеяться или глумиться, потому что в нем тоже есть глубинная потребность исповедаться...

Российская писательница Галина Башкирова пишет: «В XVIII в. большинство писем было открытыми. Достаточно почитать мемуары, достаточно вспомнить, сколько размолвок, недоразумений, дуэлей, ссор происходило из-за превратно истолкованного, приобретенного слишком шумную известность того или иного письма. Адресаты, не понимая друг друга, давали читать письма приятелям, те охотно вмешивались в дело, перетолковывая по обыкновению все по-своему, садились в кареты, объезжали полгорода со свежей новостью. И вот сплетня понеслась, разрастаясь, и снова письмо, еще, еще одно, а там, глядишь, враги на всю жизнь. В литературной истории Франции XVI в. множество подобных примеров. Достаточно вспомнить переписку Дидро и Руссо, переписку Гримма с тем же Руссо и рядом их же, за исключением Руссо, сверхлояльная переписка с сильными мира сего...»⁹.

XVIII в. — век писем и в литературе и в жизни. Знаменитые романы Ричардсона, которыми зачитывалась пушкинская Татьяна, и «Новая Элоиза», и «Страдания юного Вертера» — все это в письмах. И вся жизнь в письмах, когда переписывались, живя на соседних улицах, расставаясь на три дня, на неделю, не расставаясь вовсе. Разумеется, в этом было что-то от моды, но это была и какая-то таинственная потребность века высказаться, раскрыться, запечатлеть себя до мелочей накануне грядущих перемен. В XVII в. этой потребности (в таком масштабе) не было. К середине XIX в. она начала понемногу исчезать, с середины следующего столетия почти исчезла.

Может быть, дело в том, пишет Г. Башкирова, что наша эпоха слишком бурно раскрывала и раскрывает себя в деяниях, в каждодневной огромной нагрузке, в том ритме жизни, что не оставляет времени для писем? После рабочего дня, чем бы он ни был заполнен, сесть за стол, задуматься, начать писать письмо другу, писать час, другой, отложить в сторону черновик, сызнова начать, пытаться точнее выразить мысль, ощущение, неясную тревогу... Сил

⁹ Башкирова Галина. Варианты судьбы, Пути в незнаемое. Писатели рассказывают о науке. М., 1982.

нет, времени нет, нет привычки — исчезла потребность. Дело не только в появлении телефона — ушли слова, письмо ушло как сокровеннейшее средство общения, как *переживание* общения в те минуты, когда ты письмо пишешь¹⁰.

Современная культура во многом утратила религиозность. Нет в ней романтического покрова. Наша эпоха — стремительная, расчетливая, деловая. Естественно, многие люди испытывают потребность с кем-то поделиться, зафиксировать внимание на необычности собственных переживаний, найти душевный отклик. Вот почему в XX в. приобрел такую популярность феномен групповой психотерапии. Свободный обмен впечатлениями, репликами, мнениями в конечном счете рождает эффект исповедальности. Люди открывают друг другу собственные тайны.

Человек — социальное создание. Он живет среди других людей, и поэтому огромное значение в жизни каждого человека и общества в целом имеет общение. Оно многолико. Между людьми складываются самые разнообразные контакты — деловые, информационные, эмоциональные, интеллектуальные. Каждая культура предлагает собственные типы общения. В ряде культур испо-

ведальность человека проявляется в религиозных традициях, в дружеском общении, в эпистолярном жанре. Современная культура во многом безразлична к возможности человека выразить мир своих тонких чувствований.

Современная культура не располагает к откровенности. Даже в самой семье зачастую нет раскованности и родственного участия. Как подчеркивает отечественный психолог Владимир Леви, если приглядеться к людям, которые стоят на перекрестке, то увидим, что многие из них находятся в состоянии внутреннего монолога. Они жестикулируют, пытаются выразить собственные душевные состояния. Это наглядно демонстрируемый эффект невысказанности.

Человеку свойственно анализировать свои душевные переживания. В каждой культуре есть некие механизмы, которые обслуживают человеческие потребности. В религиозной культуре огромную психотерапевтическую роль играет исповедь. Ребенок признается в собственных прегрешениях, хотя речь идет лишь о конфетке, тайно взятой из вазы. Дело не в самом проступке, а в постоянной глубокой обостренной потребности человека рассказывать о своих состояниях, о работе души.

Список литературы:

1. Августин Аврелий. Исповедь. Петр Абеляр. История моих бедствий. М., 1992.
2. Башкирова Г. Варианты судьбы, Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. М., 1982.
3. Бёрн Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных. СПб., 1991.
4. Бубер М. Два образа веры. М., 1995.
5. Губман Б.Л. Западная философия культуры XX века. Тверь, 1997.
6. Гуревич П.С. Приключения имиджа. М., 1991.
7. Леви Владимир. Искусство быть другим. СПб., 1993.
8. М.М. Бахтин как философ. М., 1862.
9. Фейхтвангер Лео. Мудрость чудака. М., 1956.

References (transliteration):

1. Avgustin Avrelii. Ispoved'. Petr Abelyar. Istoriya moikh bedstvii. M., 1992.
2. Bashkirova G. Varianty sud'by, Puti v neznaemoe. Pisateli rasskazyvayut o nauke. M., 1982.
3. Bern E. Vvedenie v psikhiatriyu i psikhoanaliz dlya neposvyashchennykh. SPb., 1991.
4. Buber M. Dva obraza very. M., 1995.
5. Gubman B.L. Zapadnaya filosofiya kul'tury XX veka. Tver', 1997.
6. Gurevich P.S. Priklyucheniya imidzha. M., 1991.
7. Levi Vladimir. Iskusstvo byt' drugim. SPb., 1993.
8. M.M. Bakhtin kak filosof. M., 1862.
9. Feikhtvanger Leo. Mudrost' chudaka. M., 1956.

¹⁰ Там же.